

Подчас находит нас судьбина
На том пути,
Где от нее мы думали уйти.

Один Отец имел лишь Сына,
И больше никого.
Он так любил Сынка, что о судьбе
его
У прорицателей расспрашивать
принялся.
Один предрек, чтобы Отец
старался
Хранить дитя, особенно от львов,
Лет так до двадцати примерно.
Отец, чтоб выполнить веленье
старика,
Задумал охранять любимого
Сынка:
Был строгий дан приказ (и
соблюдался верно),
Чтоб Сын не выходил и за порог
дворца,
Но мог в покоях он с подростками
друзьями
Резвиться и болтать. И целыми он
днями
Гулял и бегал без конца.
Но вот и те года настали,
Когда юнцам охота так любя.
Ему в невыгодных рассказах
описали

Охотников. Увы! Слова, совет, мольба
Не могут изменить характера нисколько.
Отважный юноша лишь только
Почувствовал в груди горячку этих лет,
Охотой бредить стал, тоскуя в заключеньи.
Препятствие растет, и с ним растет стремленье.
Он знал, чем вызван был мучительный запрет.

И так как в комнате, богатой и чудесной,
Висело множество картин,
И холст, под кистью прелестной,
Охоты представлял, с пейзажами долин,
С зверями на долине, С бегущими людьми,
То Сын, увидев льва неожиданно на картине:
«А, вот чудовище! — вскричал в сердцах. — Пойми,
Из-за тебя томлюсь в неволе заключенья!..»
В неукротимой жажде мщенья,
Бросается перед холстом,

По неповинному бьет зверю кулаком.

Но под картиною случился гвоздь: жестоко
Он ранит юношу, вонзившись глубоко.
И милый юноша, кого
И Эскулапова рука не исцелила,
Стал жертвою забот, хранящих жизнь его.

Предосторожность и Эхила
Когда-то погубила:
Так, прорицатель некий, говорят,
Грозил, что здание его собой задавит.
Эхил покинул град,
Вдали среди полей, под небом ложе ставит.
Орел по воздуху там черепаху нес,
И вот над лысою Эхила головою,
Что маленькой ему казалася скалою
От вылезших волос,
Добычу уронил, разбить ее стремяся,
И жизнь несчастного Эхила порвалася.
Отсюда вывод мой таков:
Искусство видеть даль невидимых годов,
Коли оно и справедливо,
Всегда заставит вас впадать
В беду, которой вы стремились избежать.
Но утверждаю я: искусство это лживо.
Природа не связала, нет!
Себя иль нас всех предопределеньем
Всей жизни, с помощью планет:
Все управляется стеченьем

Мест, времени и лиц
 Не от предвиденья каких-то
 небылиц!
 Вот под одной звездой два
 человека:
 И тот пастух, и этот царь
 живут.
 Царь держит скипетр, палку —
 тот.
 Звезда Юпитера судила так от
 века. А что — Юпитер сам?
 Материя и — в ней
 Отсутствует сознание.
 С чего же вдруг его влиянье
 Различно действует на этих
 двух людей?
 И как проникнуть все
 воздушное пространство?
 Марс, Солнце, пустоту
 безмерную пройти?
 Единый атом вас собьет всегда
 с пути...
 Как предусмотрит все
 провидцев шарлатанство?
 Вот нынешняя роль Европы:
 ведь теперь
 И не было б ее, явись лишь
 предсказанье.

Что ж прежде ничего никто не молвил? Верь,
 Никто предвидеть был и сам не в состояньи.
 Огромность времени, стремленье быстрых дней,
 Изменчивость людских страстей
 Позволят ли кому при слабости убогой
 За шагом шаг в поступках нас следить?
 А это все судьбу способно изменить.
 Течение ее нейдет одной дорогой;
 Не может ведь, как мы, все тот же путь держать.
 Но как по писаному тщатся прочитать
 Провидцы-чудаки судьбы людской стремленье.

Не следует вниманья обращать
 На два рассказанные мною приключенья.
 Любимый слишком Сын или Эсхил для нас
 Не доказательства: все лживы предреченья;
 Предскажут, может быть, из тысячи лишь раз
 И то случайно, без сомненья.